

Вместо того, чтобы отвлекаться на другие дела, Николас решил посвятить этот день новому зелью. Экспериментальное, нестабильное, но в руках опытного мастера зелий, каким был Николас, оно обещало стать шедевром. В его жизни были и философский камень, и другие великие свершения в области зельеварения и алхимии. Сейчас же он стремился создать зелье, способное унять жар. Семь месяцев ушло на изучение формулы, на поиск и анализ ингредиентов. И вот, наконец, всё было готово. Перед тем, как приступить к работе, Николас заглянул к племяннику. Четыре дня Сальватио мучился лихорадкой, и ни Катрин, ни Перенель, опытные целительницы, не могли найти способ облегчить его страдания. Мальчик горел, как в огне, его тело билось в лихорадочном бреде. Это уже не первый приступ. С тех пор, как Сальватио исполнилось девять лет, подобные лихорадки случались с ним не реже одного раза в год, и никто не мог понять причину.— Сальватио? — прошептал Николас, заглядывая в полумрак комнаты. Усталые глаза ребенка встретились с его взглядом.— Дядя... Ник? — еле слышно прошептал Сальватио.— Я собираюсь попробовать новое зелье, — ответил Николас. Он не сказал племяннику, что зелье предназначено для него. Если бы что-то пошло не так, он не хотел видеть страдания в детских глазах. — Если мне понадобится помощь, я буду в лаборатории.— Хорошо, — пробормотал Сальватио и снова закрыл глаза. Николас подошёл к кровати и коснулся лба мальчика. Сальватио прижался к нему, ища прохлады в его руке. Температура оставалась высокой. Это было тревожно, очень тревожно. Николас молился, чтобы его зелье помогло. Он уложил племянника, поцеловал в лоб и тихонько вышел, закрыв за собой дверь. Вернувшись в лабораторию, Николас принялся за работу. Формула была простой, понятной, а расчеты указывали на минимальный риск. Поэтому, когда он добавил в котел следующий ингредиент, кусачую морковь, он не ожидал никаких неприятностей. Зелье было стабильным, ингредиенты не должны были вступать в бурную реакцию. Он знал, как они будут взаимодействовать, и это не должно было быть опасно. Но он ошибался. Вместо того, чтобы спокойно булькать, котел взорвался, отбросив Николаса к стене. Жгучая боль, ядовитые испарения, воздуха не хватало, легкие горели. Он не мог пошевелить ни руками, ни ногами. Сознание затуманилось, а в глазах перед темнотой плясали яркие пятна. И в этот момент, когда смерть уже легла на него холодной рукой, Николас понял, что в этот раз никто не придёт ему на помощь. Катрин, Анри, Перенель — все ушли. Дома остались только он и Сальватио, который спал, мучимый лихорадкой. Он был один. Он умрёт сегодня. И как будто в ответ на эту мысль, перед его глазами замелькали воспоминания. Говорят, что в конце жизни перед глазами проносятся вся жизнь, и у Николаса это было именно так. Разрозненные, хаотичные, но все же — его жизнь. И началась она с того, как он впервые увидел своего племянника...— Ребенок... что случилось с его родителями? — спросил он незнакомца, держащего на руках младенца.— Они умерли, — коротко ответил тот. — А я не в состоянии заботиться о нем. Слишком стар, чтобы бегать за таким малышом. Николас понял, что мужчина говорит серьезно. Его волосы были седыми, а глаза — странного молочного цвета, что говорило о болезни, часто поражающей стариков.— Неужели больше некому взять ребенка? — с тревогой спросил Николас. Он не хотел давать своим друзьям ложную надежду, только чтобы потом узнать, что есть ещё кто-то.— Родители умерли, дядя не может о нем заботиться, бабушка и дедушка слишком стары. Это было общее решение. Не бойся, ты больше не потеряешь его. Николас позвонил своей невестке и её мужу, своему другу. Когда Катрин впервые взяла сына на руки, Николас впервые за пять лет увидел на её лице улыбку.— Как его зовут? — спросила она незнакомца. Мужчина улыбнулся.— Мы назвали его Сэл, — ответил он. — Но что бы вы ни выбрали, он ещё слишком мал, чтобы возражать.— Мы оставим "Сал", — сказала Катрин. — Думаю, было бы неправильно лишать его последней связи с родными родителями. В итоге они остановились на имени Сальватио.— Сальватио Аметист Малфуар, — сказала Катрин. Николас и Анри не решились сказать ей, что ребенок может однажды возненавидеть то, что его назвали в честь камня. Это было почти тринадцать лет назад. Тринадцать лет смеха, и вот теперь Николас принёс в семью новую трагедию, умирая... В этот момент дверь в лабораторию распахнулась, и в комнату, спотыкаясь, вошел Сальватио. Он остановился, его

глаза расширились от ужаса. Затем на его лице появилась паника, и он, спотыкаясь, бросился к Николасу, явно не уверенный в своих ногах.— Дядя Ник! — закричал Сальватио, ускоряя шаг. — Дядя Ник! Сальватио упал на колени рядом с Николасом. Николас увидел ужас в глазах ребенка и попытался отвлечь его от своего искалеченного, жуткого на вид тела.— Всё... будет... хорошо, Сальватио, — прохрипел он. — Не... волнуйся... слишком сильно. Пятна перед глазами темнели, но эти полные страха зелёные глаза заставили его бороться с темнотой. Вместо этого в его голове промелькнуло другое воспоминание... Сальватио было семь лет, когда ему наконец сказали, что он усыновлён. Ребенок воспринял это очень болезненно и убежал. Николас нашёл его.— Сальватио, — сказал он, прислонившись к дереву, за которым спрятался племянник. — Не думаешь ли ты, что убежать — неправильная реакция? Ответом была залитая слезами насмешка.— Мне всё равно, — сказал ребенок. — Это не то же самое, как если бы я был нужен. Николас поднял бровь.— ... — Как ты пришла к такому абсурдному выводу? — спросил он, голос его был полон недоумения. Ответ ребенка его слегка потряс. — Потому что если бы они действительно хотели меня, они бы не стали поднимать эту тему, — всхлипывая, прошептала она. — До сих пор они никогда не говорили об этом со мной. Я думала, это означает, что они считают меня своей... Николас вздохнул, словно от непосильного груза. — Очевидно, мы даже не смогли сохранить этот секрет от тебя, — произнес он, покачав головой. — Твои родители никогда бы не сказали тебе, если бы не твое наследие. При этих словах Сальватио подняла голову, в ее глазах застыл вопрос. — Что ты имеешь в виду? — прошептала она, голос хриплый от сдерживаемых слез. Николас вздохнул, словно готовясь к долгому и сложному разговору. Он начал рассказывать о ее состоянии, о том, что скрывали от нее родители. — Они не хотели ждать, пока ты узнаешь, потому что боялись, что ты почувствуешь себя преданным. В то же время они хотели, чтобы ты была достаточно взрослой, чтобы понять их аргументы, когда они расскажут тебе. Теперь очевидно, что мы должны были поговорить с тобой много лет назад...

<http://tl.rulate.ru/book/93005/3093486>